

ДОГЭН И ПОЧИТАНИЕ БОДХИСАТТВЫ КАННОН В ЯПОНИИ XIII ВЕКА.

К ПУБЛИКАЦИИ ТРАКТАТА “ВНИМАЮЩИЙ ЗВУКАМ”

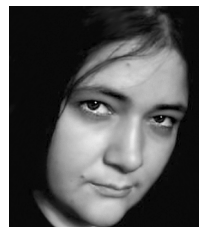
© 2017

Н.Н. Трубникова

О почитании будд и бодхисаттв в Японии можно говорить по меньшей мере на трех уровнях. Первый — уровень канонический: на какие индийские и китайские тексты оно опиралось, насколько и в каком качестве учения этих текстов были усвоены в японской буддийской общине, как они отразились в японской храмовой иконографии. Второй — уровень популярный: что сообщают японские источники о бытовании соответствующего культа, какие обрядовые обыкновения в них описаны. К таким источникам можно отнести храмовые предания *энги*, поучительные рассказы *сэцува*, записи в дневниках, описания обрядов в повестях и др. Третий — уровень школьный: как и в связи с чем японские наставники рассуждают о природе того или иного почитаемого существа и о связи его с людьми. Каждый из уровней в отдельности рассматривать сравнительно просто, трудности возникают при попытке связать их между собой. В текстах буддийского канона часто дается обстоятельное объяснение того, почему следует чтить того или иного бодхисаттву (будду, божество и др.) и как учение о нем связано с общими положениями учения об освобождении. Однако насколько можно судить по японским памятникам, знание, каким должен быть обряд, рассматривалось во многом как самоценное, безотносительно к его применению на деле. Или же речь приходится вести об умозрительном обряде, который подвижник проводит в сосредоточенном созерцании, и круг людей, кому такой опыт доступен, представляется очень узким. Если же рассматривать сообщения об обрядах, принятых в том или ином японском храме, то здесь уже возможно говорить о широких кругах буддистов, монахов и мирян, но в таких описаниях отсылки к текстам канона напрямую даются редко; иногда их возможно реконструировать, но многие составляющие конкретного культа так и остаются без объяснения.

**ЧЕЛОВЕК В
РЕЛИГИЯХ
МИРА**

**Трубникова
Надежда
Николаевна** — доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала “Вопросы философии”; ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Постоянный автор журнала. E-mail: trubnikovann@mail.ru

Статья и перевод подготовлены в рамках проекта “Догэн и развитие традиции дзэн в японской буддийской общине XIII–XIV вв.” (поддержан РГНФ, грант № 15-03-00140).

113

Можно было бы надеяться, что разрыв между теорией и практикой в этой области удастся хотя бы отчасти заполнить, если мы обратимся к сочинениям японских наставников: тех, кто, с одной стороны, был знаком с каноническими обоснованиями обряда, а с другой, говорил о собственном опыте, так или иначе соотносимом с одним из храмов, с какой-то из обрядовых традиций. В Японии, как и в других буддийских странах, один и тот же учитель почти всегда выглядит носителем как “высокой” традиции буддийской религиозной философии, так и традиции “низовой”, “народной”. Один и тот же человек может рассуждать о пустоте всех явлений в мире непостоянства, об относительности блага и зла — и в то же время молиться милосердным заступникам о вполне осязаемых земных благах и верить, что почитаемые существа действительно таковы, какими их изображают в храмах: имеют много рук, ездят верхом на слонах и т.п. Нельзя сказать, чтобы сами японские мыслители вовсе не видели здесь противоречия. Однако пути соотношения общей теории с повседневной практикой оказываются разными в разных школах. А кроме того, подобные рассуждения часто содержат нечто третье, не выводимое ни из текстов канона, ни из известных нам храмовых обыкновений, так что общая картина отчасти проясняется, но отчасти усложняется еще больше. И далеко не всегда мы можем решить, с чем имеем дело в случае этого “третьего”: с традицией, не известной по другим описаниям, с личным опытом исследуемого автора или с чем-то еще.

Из множества почитаемых в Японии бодхисаттв Внимающий Звукам, Каннон, известен особенно широко. В этой статье я попробую кратко изложить несколько версий учения о нем, а затем разобрать трактат Догэна (1200–1253) “Внимающий Звукам”, относимый к традиции *дзэн*. Вообще о буддизме *дзэн* нередко пишут, что для него культовая составляющая наименее важна; вся пестрота обрядов, принятых в Японии в других традициях, здесь будто бы отступает перед строгим подвижничеством, причём ответственность за свою судьбу человек берет на себя, не полагаясь ни на чью помощь. Здесь важно самому пройти путь Будды, а кому и о чем человек при этом молится, в общем не важно, лишь бы это не уведило его от цели; считается, что отчасти именно поэтому *дзэн* сделался широко популярен во всем мире в XX веке. Трактат Догэна начинается с вопроса: как бодхисаттва Каннон, тысячерукий и тысячеглазый, управляется с таким множеством рук и глаз? Вопрос может звучать и детски-наивно, и вольнодумно, и полностью серьезно — смотря по контексту: этот контекст я и постараюсь восстановить.

Имя “Внимающий Звукам”, яп. Каннон, служит переводом санскритского имени Авалокитешвара; другие варианты перевода — Кандзэон, “Внимающий Звукам Мира”, или Кандзидзай, “Внимающий Свободно”. Почитание Авалокитешвары в разных странах буддийского мира подробно исследовано

в работе [7]. Японские наставники в основном следуют тем учениям об Авалокитешваре, которые были приняты в Китае; японское “Каннон” соответствует китайскому “Гуаньинь”. Хотя вообще ни о ком из бодхисаттв нельзя сказать, какого они пола — их почитают и в женских, и в мужских облициях, — Каннон в Японии, как и Гуаньинь в Китае, нередко появляется в женском образе; милосердная забота обо всех живых существах мыслится как скорее женское качество. (Западные, в том числе и наши отечественные авторы чаще пишут о Каннон в женском роде еще и под влиянием того, что в Новое время, после знакомства с христианством и в пору запрета на его проповедь, у японских тайных христиан изображения Каннон стали устойчивой заменой для изображений Богородицы; ср. знаменитый рассказ Акутагавы Рюноске “Мадонна в черном”.) Впрочем, в средневековых японских текстах постоянное величание Каннон — “отец и мать всех миров”, а среди изображений преобладают бесполое.

Авалокитешвара в текстах канона

Для почитания Авалокитешвары в Японии основным текстом буддийского канона считается “Лотосовая сутра” (яп. “Хоккэ-кё:”, ТСД 9, № 262), где в главе 25-й (“Открытые для всех врата бодхисаттвы по имени Внимающий Звукам Мира”, яп. “Кандзэон босацу фумон-хин”) говорится о решимости этого бодхисаттвы спасти все существа. Я передаю имя Каннон как “Внимающий Звукам”, следуя переводу А.Н. Игнатовича [4]. В сутре говорится о тридцати трех обличьях бодхисаттвы: среди них образы монахов и монахинь, мирян и мирянок, богов и богинь, знатных и простых, взрослых, старцев и детей. Если в какой-нибудь стране живым существам, чтобы “переправиться на тот берег”, от заблуждения к просветлению, нужна помощь кого-то из этих существ, Внимающий Звукам тотчас же является там именно в таком облике. Он помогает тем, кто путешествует по водам, кому угрожают разбойники, кого преследуют власти, кому предстоит родить дитя и т.д.; тем, кто хочет отдалиться от несбыточных желаний, гнева и горестей и обрести счастье.

В сутрах о Чистой земле Внимающий Звукам появляется как спутник и помощник будды Амитабхи (яп. Амида), владыки буддийского рая, см.: [2]. В этом случае Авалокитешвара помогает достичь уже не земного счастья, а благого посмертия; он действует в паре с бодхисаттвой Обретшим Великие Силы (Махастхампрапта, яп. Дайсэйси). Как и “Лотосовая сутра”, сутры о Чистой земле стали известны в Японии в первое столетие знакомства с буддизмом, в VII веке. В XI веке, с началом разработки буддийского “тайного учения” (прикладного учения об обряде) в школах Тэндай и Сингон, японские монахи среди других обрядовых руководств начинают изучать тексты, разъясняющие почитание Внимающего Звукам, в том числе

“Заключение великого сострадания тысячерукого и тысячеокого бодхисаттвы Авалокитешвары” (яп. “*Сэндзю сэнгэн Кандзэон-босацу дарани*”). В китайском буддийском каноне это тексты под номерами 1057–1064; см. разбор и перевод текста № 1060: [7, с. 169–182, 319–357]. Вообще во многих сутрах махаяны их главный персонаж, создавший себе причины стать буддой, дает обет: я стану буддой, только если исполнится такое-то мое условие (например, для будды Амитабхи это появление Чистой земли, где смогут возродиться и праведные, и грешные). В сутрах о тысячеруком Авалокитешваре обет бодхисаттвы таков: “Если я в будущем смогу приносить пользу и радость живым существам, то да обрету я тысячу рук и тысячу очей!” [там же, с. 322]. Тем самым бодхисаттва “обращает заслуги” (яп. *эко:*), то есть направляет последствия своих прежних бесчисленных благих дел на пользу тем, кому он решил помогать. Такой перенос — когда добрые дела творит один, а их плодами пользуется другой, — казалось бы, противоречит закону воздаяния, на котором строится все буддийское учение. Однако “обращение заслуг” считается возможным и именно из него выводится возможность действенного обряда (когда, допустим, монах читает сутру, а больной из-за этого выздоравливает).

В сутрах о тысячеруком Авалокитешваре приводится заклятие, мантра, и говорится, какие обряды нужно совершать, чтобы этой мантрой призвать на помощь бодхисаттву. “Заключение тысячерукого” позволяет не только обрести счастье вообще, но и, например, вылечить от слепоты, от глухоты, создать мощное противоядие, помочь роженице при тяжелых родах, отвадить демонов, помирить врагов. Обряды различаются по тому, над какими травами, плодами, орудиями и пр. читается мантра и как потом эти зачатые вещи применяются. Сутры перечисляют четыре десятка из тысячи рук бодхисаттвы и предписывают: если хочешь укротить демонов, прибегай к помощи той руки, что держит меч; если хочешь обрести богатство, прибегай к помощи той руки, что держит жемчужину, и т.д. Каждый почитатель бодхисаттвы может сам продолжить список, найдя среди тысячи рук бодхисаттвы держащую именно то, о чём он молится. Предметы из списка — разные виды оружия, сосуды, растения, книги — можно видеть в руках скульптурных и живописных изображений тысячерукого бодхисаттвы. Таким образом, вопрос, как Каннон управляется со своей тысячей рук, имеет канонический ответ: каждая рука нужна затем, чтобы оказать один из видов помощи (а каждый глаз — чтобы увидеть одну из нужд молящихся). Каким бы странным и порой даже страшным ни казался тысячерукий образ бодхисаттвы, он согласуется с учением “Лотосовой сутры” об “уловках” (санскр. *упая*, яп. *хо:бэн*), “искусных способах” привести к освобождению, где каждая из “уловок” рассчитана на конкретное существо со всеми его пристрастиями, заблуждениями и страданиями.

Тысячерукий образ для Авалокитешвары — не единственный. В Японии обычно различают шесть главных обликов этого бодхисаттвы, по числу шести миров:

Каннон тысячерукий	Мир ада
Каннон — святой мудрец	Мир голодных духов
Каннон с головой коня	Мир животных
Каннон одиннадцатиликий	Мир демонов асур
Каннон Дзюнтэй (санскр. Чунди)	Мир людей
Каннон с жемчужиной	Мир богов

Тысячерукий бодхисаттва Каннон. Храм Фудзии-дэра (Осака), середина VIII в. Национальное сокровище Японии

Соотнесение может пониматься двояко: или бодхисаттва в таком-то обликии помогает обитателям такого-то мира, или же помогает всем существам избежать возрождения в таком-то из миров. Ведь даже новое рождение в относительно благоприятных мирах людей или богов не может считаться благом, коль скоро главная цель — освободиться из круговорота перерождений. Но в любом случае тысячерукий бодхисаттва, согласно этой схеме, помогает тем, кому хуже всего, чьи дела ведут к особенно тяжким страданиям в аду.

Также Авалокитешвара появляется во многих сутрах в ряду других бодхисаттв: вместе с Майтреей, Манджушри и прочими. Не всегда возможно проследить связь между образом Авалокитешвары в таких сутрах — и тем Внимающим Звуком, который известен из текстов, названных выше; в качестве слушателей Будды Авалокитешвары и другие бодхисаттвы, скорее, взаимозаменяемы. Однако есть по крайней мере одна сутра, где Внимающий Звук как ученик Просветлённого играет особую, выделенную роль: это “Сутра сердца праджня-парамиты” (яп. “*Ханья сингё:*” ТСД 8, № 251), см.: [2, с.29–34]. Здесь сказано, что Авалокитешвара сам избавился от страданий и “перешел на другой берег”, когда в состоянии глубокого сосредоточения достиг “запредельной премудрости”, праджня-парамиты, и увидел, что “все пять скандх пусты”. Скандхи здесь — совокупности дхарм,

единичных факторов, составляющих опыт на пяти уровнях: телесный, опыт восприятия, различения, воли и сознания. Дальше в сутре говорится о пустоте всего мыслимого, в том числе и основополагающих “четырёх благородных истин” буддийского учения. К такому видению мира как пустого должен прийти каждый, и именно Авалокитешвара указан в сутре как пример подвижника, уже прошедшего этим путём.

К XIII веку все перечисленные канонические тексты были в Японии хорошо известны, задействованы в обрядах многих храмов, разобраны в комментариях. При этом “тайному” толкованию, построенному исходя из обрядовых задач, подвергались в том числе и “Сутра-сердце”, и другие сутры, вообще не относимые к “таинствам” (примером может служить сочинение Кукая, основателя школы Сингон — “Тайный ключ к сутре-сердцу праджня-парамиты”, “Ханья Сингё-хикэн”, 834 год. См.: [8, с. 277–311].) Правда, значительная часть комментаторских традиций существовала в виде устных наставлений, а первые их записи относятся к XII–XIII векам, к тому же времени, когда появляются новые традиции, обычно противопоставляемые “таинствам”: исключительный амидаизм, *дзэн* и др.

Бодхисаттва Каннон в японских храмах

Изваяния Авалокитешвары, доставляемые в древнее государство Ямато из стран Корейского полуострова, как и копии “Лotosовой сутры” и “сутр о Чистой земле”, упоминаются в летописи “Анналы Японии” (“*Нихонсёки*”, 720) в сообщениях о событиях VII века. Точную дату первого знакомства японцев с этим бодхисаттвой назвать невозможно; вероятно, почитание Внимающего Звукам было известно тем переселенцам с материка, которые составляли наиболее раннюю в Японии общину буддистов. В дальнейшем и вплоть до XIII века ни одно историческое сочинение не обходится без упоминаний храмов, где почитают бодхисаттву Каннон. События, связанные с этими храмами, отмечаются в дневниках придворных, их описывают повести *моногатари* и другие мирские сочинения. Особенно знамениты чудесами Каннон в Японии XI–XII веков были такие храмы, как Киёмидзу в окрестностях Киото (см.: [11]), Хасэ близ города Нара и Исияма у берега озера Бива.

Бытование различных обрядов, в том числе и обращенных ко Внимающему Звукам, обсуждается в собраниях поучительных рассказов *сэцува* и храмовых преданиях *энги*. В первом японском сборнике *сэцува*, “Японских легендах о чудесах” (“*Нихонрё:ики*”, рубеж VIII–IX веков.) Каннон появляется в нескольких рассказах [6]. В них ряд живописцев рисуют портреты одного и того же праведного монаха, но в итоге на всех картинах оказывается изображение Каннон (рассказ I–20); бодхисаттва является в образе цапли, чтобы указать на свое изваяние, затонувшее в пруду (рассказ II–17); помогает бедня-

кам, отдавая им храмовую казну (рассказ II—42); в сборнике есть похожие истории и о других буддах, бодхисаттвах и божествах. Но особенно интересен рассказ III—38, где составитель сборника, монах Кёкай, пересказывает свой сон. Ему снилось, как к нему за подаянием пришел его знакомый — послушник по имени Кёнити — и принес доску с отметками: насколько подрастают люди, когда творят “высшее добро” и “низшее добро”. Кёкай сравнил эти мерки со своим ростом и преисполнился раскаяния, а затем отдал послушнику рис из своего запаса. Кёнити в ответ дал ему переписать свиток с выборкой отрывков из сутр, а когда Кёкай признался, что бумаги у него нет, оделил его также исписанной бумагой, годной, чтобы писать на обороте. Кёнити сказал: “Пиши здесь. А я пойду просить милостыню в другое место и вернусь потом”. Кёкай после его ухода спросил, почему этот человек теперь просит милостыню, хотя обычно он этим не занимался. Кто-то ответил: “У него много детей. Ему нечем кормить их”.

Далее Кёкай толкует свое сновидение (перевод А.Н. Мещерякова):

Послушник был воплощением Каннон. Ведь то был послушник, не прошедший посвящения. Так же и Каннон. Достигнув просветления, она остается в мире причин, чтобы спасти всех живущих. Просивший подаяние — одно из тридцати трех воплощений Каннон, о которых говорится в главе “Фумон” [в “Лотосовой сутре”]. [...]. “Подать нищему милостыню белым рисом” означает совершение молитв, ваяние статуй будд, переписывание сутр Махаяны и делаение добра [...] “Нищий с молитвой принял его” означает, что Каннон приняла молитву. “Дать свиток” означает увеличить мудрость подвижников и дать им новых семян. “Доставить использованную бумагу” означает, что хорошие семена мудрости, спрятанные и сокрытые в течение долгого времени, будут обретены в будущем [...] “Пойду просить милостыню в другое место” — безграничное сострадание Каннон распространится в мире Закона и спасет все живые

Шесть обликов бодхисатвы Каннон. Храм Дайхоондзи (Киото), начало XIII в. Слева направо: Святой мудрец, Тысячерукий, Каннон с головной коня; Одиннадцатиликий, Дзюнтэй, Каннон с жемчужиной

существа. “Вернусь потом” — Кёкай обретет счастье и мудрость по окончании молитв. “Обычно этот послушник не нищенствует” означает, что Кёкай не почувствует ничего до тех пор, пока не совершит молитву. “Отчего же он стал просить подаяние?” означает, что ему в конце концов будет даровано счастье за его теперешние молитвы. “У него много детей” означает, что есть много таких, кто нуждается в получении. “Ему нечем кормить их” означает, что не имеющие семян не могут достичь просветления Будды. “Вот он и просит подаяние” означает собирание семян в мире людей и в мире небес.

Отметим, что здесь слова послушника относятся то к самому Кёкаю, то к бодхисаттве в образе конкретного человека (Кёнити), так что эти трое во сне отождествляются. Такое отождествление человека с бодхисаттвой можно проследить и в других текстах о чудесах Внимающего Звукам в Японии.

В японской словесности есть истории, где участие бодхисаттвы в делах людей оказывается выдуманном: герои сами выручают друг друга, но кто-то из них действует будто бы от имени Внимающего Звукам. Так, в “Повестях Среднего советника Цуцуми” (“*Цуцуми-тю:нагон-моногатари*”, XI век) кавалер тайно помогает даме выиграть состязание, “игру в раковины”, посредницей выступает девочка-служанка — и все делают вид, будто помощь исходит от Каннон как заступницы женщин и покровителя морского промысла; см.: [5, с. 264–268].

Рассказы о чудесах Внимающего Звукам есть почти во всех сборниках *эцува*. В самом крупном из них, “Собрании стародавних повестей” (“*Кондзяку моногатари-сю*”, начало XII века), Каннон посвящен целый раздел (16-й). Часто одни и те же истории в несколько разном изложении входят и в сборники *эцува*, и в записи храмовых преданий, такие как “Предания храма Кокава с картинками” (“*Кокава-дэра энги эмаки*”, XII век), “Записи о чудесах Каннон в храме Хасэ” (“*Хасэдэра Каннон гэнки*”, рубеж XII–XIII веков, [13]) или более поздние “Предания храма Киёмидзу с картинками” (“*Киёмидзу-дэра энги эмаки*”, 1517). Основная тема рассказов — различные “уловки”, которыми бодхисаттва помогает людям в земной жизни и ведет их к освобождению.

Приведу лишь несколько примеров. В “Собрании стародавних повестей” (рассказ 16–28) и позже в “Рассказах, собранных в Удзи” (“*Удзи сю:и-моногатари*”, XIII век, см.: [3], рассказ 96) бедный юноша из воинской семьи молится в храме Хасэ, и Каннон в ответ дарит ему всего одну травинку. Дальше сюжет разворачивается по схеме, известной из сказок многих народов: бедняку удается сменять малое достояние на большее, потом на еще большее, и так он становится богат. В рассказе о бедном воине герой всякий раз помогает кому-нибудь, оттого и растет его богатство; можно сказать, что Каннон ведет его от одного приключения к другому, но и сам он действует как че-

ловец великодушный и изобретательный, а если и обманывает встречных, то этот обман можно считать своего рода “уловкой”. Из травинки бедняк соорудил хитрую ловушку для насекомых; она понравилась встречному мальчику, и тот обменял ее на три мандарина. На этот час мандарины — все, что есть у бедняка, однако он отдает их женщине-паломнице, обессиленной в пути от жары и жажды, и женщина за это оделяет его тканью. Герой идет дальше и видит, как на дороге у важного господина внезапно пал конь. Господин садится на лошадь своего слуги и скачет дальше, а слуге велит остаться и убрать останки коня. Хотя бедняк догадывается, что конь вскоре оживет, но говорит этому слуге, что сделает за него грязную работу, да еще даст в придачу сверток ткани; слуга охотно соглашается. И наконец, дойдя до окрестностей столицы, юноша уступает коня человеку, который собрался уезжать в дальние края, и за это получает внаем дом и небольшое поле. Он начинает разводить рисовую рассаду, и те крестьяне, кто покупает ее, получают большой урожай, чем все соседи, так что хозяйство героя процветает.

Другая история в “Записях о чудесах Каннон в храме Хасэ” относится к храму Хасэ, а в “Собрании песка и камней” (“*Ся-сэкисю*.”), вторая половина XIII века, см.: [8], рассказ II–4) и в “Преданиях храма Киёмидзу с картинками” — к Киёмидзу. Здесь бодхисаттве молится одинокая обедневшая столичная дама, и Каннон, явившись ей во сне в образе монаха, дает странный совет: украсть верхнее платье у женщины, молящейся рядом с нею. Дама удивлена, но хватает платье, висящее на ширме, убегает из храма — и по дороге встречает воина. Он предлагает даме стать его женой и уехать вместе с ним в имение; дама соглашается, но не признается, что у нее не осталось никого из родни (ведь воин не просто пленился ее красотой, но и надеется с помощью жены когда-нибудь завязать полезные знакомства в столице). Несколько лет спустя воин со всей семьей снова приезжает в столицу. Его жена, выбрав наугад один из домов, небогатых, но старинных, обещает тамошней

“Предания храма Киёмидзу с картинками”. Тоса Мицунобу, 1517 г. (к рассказу об украденном платье)

хозяйке немалые деньги и просит: скажи моему мужу, что ты моя тетка! Та соглашается, принимает воинскую семью у себя, а потом женщины беседуют наедине и выясняют, что именно у этой мнимой тетушки героиня в свое время ukrала платье. Две женщины вместе молятся бодхисаттве Каннон, а позже заботятся друг о друге, как настоящие родственницы. Здесь и обман, и воровство оказываются “уловками”, идут на благо всем героям, хотя вообще такие поступки в буддийском учении осуждаются.

В этих рассказах можно проследить связь между двумя толкованиями действий бодхисаттвы: Каннон помогает людям как милосердный спаситель и в то же время как наставник учит их, наглядно показывает, что многие привычные им понятия относительны (что хорошо, что дурно, что ценно, что бесполезно и т.д.). Отметим, что сюжеты подобных историй не просто с легкостью переносятся из одного храма в другой и из одной эпохи в другую: их можно рассказывать, даже вовсе не упоминая участие бодхисаттвы, цепочка счастливых совпадений от этого не распадется. В “Собрании песка и камней” в том же рассказе II–4 повествователь приводит случай из жизни человека, которого знал лично: этот знатный воин XIII века в пору мятежа выбрал сторону, которая в итоге проиграла, был тяжело ранен, пытался покончить с собой, но не успел, его судили и собирались казнить, но один из старых друзей вымолил ему пощаду, и позже воин больше не вмешивался в государственные дела, а поселился в имении и стал покровителем местного храма — того самого, в котором было составлено “Собрание...”. В рассказе воину несколько раз является Каннон, ободряя его словами: “Ты не умрешь”; можно считать это действительным чудом, но можно объяснить подобный опыт и просто верой человека в чудеса. В рассказах VI–8 и Ха–9 описывается принятое в нескольких японских храмах танцевальное обрядовое действо “Встреча будды Амиды”, в котором кто-то из прихожан играет роль Каннон, а само действо может выглядеть и возвышенным, и смешным.

Учение о Каннон у японских мыслителей

“Собрание песка и камней” в некотором смысле подводит итог традиции *сэцува* (хотя и сами рассказы, и новые сборники появляются затем в XIV веке и позже); в этом памятнике звучат основные мотивы японского учения о бодхисаттве Каннон. Составитель “Собрания...”, Мудзю Итиэн, так соотносит участие бодхисаттвы в земных делах людей и его роль как учителя на пути к освобождению: “Помощь при недуге и страдании, избавление от невзгод и тягот, спасение от дурных путей и рождение на добрых путях — все это уловки будд. [...] [Сначала они] помогают нашим чувствам и уму, избавляют от помех, очищают от грехов; мы возрождаемся в Чистой земле, общей для богов и людей, постепенно раскрываем свою мудрую природу — и так в итоге

Н. Трубникова
Догэн
и почитание
бодхисаттвы
Каннон в Японии
XIII века

Тысячерукий
Каннон. XIV в.

нам дано бывает явить истинное тело будды” (рассказ II–4). Внимающий Звукам “завязал особую связь” с Японией (рассказ I–10), но вообще он пребывает в сердце каждого человека:

Весь этот мир [...] он слышит острым слухом, ибо постиг путь Будды благодаря связи, завязавшейся тогда, когда он слушал слова Закона. В древности Каннон стал бодхисаттвой, обретя путь через слух, и оттого он способен изменить здешний мир. [...] Не покидая нечистых земель, Каннон разъясняет здесь путеводные основы свободы и чистоты, является в облики мирянина, но не лишается своей исконной природы — подобно тому как к золоту не пристаёт грязь, а лотос не намокает в воде. [...] Ведь будды и бодхисаттвы восседают на лотосах. Нужно понять: не было бы исконной клятвы Внимающего Звукам — не было бы ни мудрости, ни милосердия будды. А значит, наше сердце, в котором пребывают все будды, — это и есть милосердие. А всякое милосердие — это Каннон, быть милосердным — значит внимать звукам мира (рассказ II–4).

Исходя из этого, действия человека от имени бодхисаттвы оказываются вполне правомерными. Впрочем, в “Собрании...” есть и смешной пример: монах возомнил себя воплощением Каннон и объявил это в письменной клятве. Ему посоветовали: лучше не клянись, а соверши какое-нибудь чудо; он отвечал: не могу, я лишь недавно явился в мир и еще не вполне освоился (рассказ I–4).

Также у Мудзю есть характерный для монашеских ученых текстов пример “созерцательного толкования” (*кансин-сяку*),

чья задача — не столько пояснить слова сутры, сколько “вчитать” в нее новое содержание. Так, в “Лотосовой сутре” Каннон обещает защищать странствующих торговцев; Мудзю эти слова толкует как относимые к “шести сознаниям” (пять сознаний, соотносимых с пятью чувствами, и разум, он же “сердце”) и “шести видам пыли” (образам, воспринимаемым шестью сознаниями).

“Везти бесценные сокровища” — значит обладать сокровищем природы будды, что есть в сердце у каждого существа. Купцы — это те, кто продает и покупает сокровища. Шесть сознаний — это купцы, а восьмое сознание, государь-сердце — это глава торговых людей. Шесть видов пыли — это разбойники. Глаз встречается с разбойником-цветом и отдает, теряет сокровище собственной природы глаза. Ухо встречается со звуком — и так далее, а мысль связывается с вещами и теряет сокровище собственной природы мысли. Если не видишь вещей вне сердца, если сердце едино само по себе, то глаз не схватывает цвета, мысль не связывается с вещью. Если не проводишь различий между явлениями, то “деятель” и “предмет воздействия” не имеют смысла, “давать” и “принимать” мыслятся как нераздельные. Сердце-государь ведет за собою все сознания, не поддается шести разбойникам и тут же освобождается, — так сказано. А кто хоть ненадолго связывается с шестью видами пыли, снова создает условия и причины для круговращения (рассказ VIII–23).

Хотя Мудзю Итиэна и считают наставником *дзэн*, его построения в основном принадлежат к тому “старому” буддизму школ Тэндай и Сингон, которому обычно противопоставляют новаторские учения XIII века — учения Догэна, Синрана и Нитирэна. Но именно поэтому интересны случаи, когда Мудзю и основатели новых учений соглашались между собой. Такие совпадения можно найти в их суждениях о Каннон.

Синран, основатель наиболее радикального учения о Чистой земле, учил, что спастись возможно только “силой Другого” — будды Амиды. Собственные усилия человека, в том числе милосердная забота о ближних, по Синрану, имеют смысл лишь как деятельное осуществление веры, как благодарность за уже обещанное спасение. Казалось бы, коль скоро Амиды спасает всех независимо от заслуг, то многообразным “уловкам” здесь места нет и путь отдельного человека к вере не так уж важен. Однако в жизнеописании Синрана (“*Годэнсё*”, 1290-е годы) подробно говорится о том, как он сам пришел к вере: в столичном храме Роккакудо, в час молитвы перед изваянием Каннон. Внимающий Звукам здесь обещает: “Если, отягощенный последствиями прежних своих дурных деяний, подвижник не сможет противостоять влечению к женщинам, то я явлюсь к нему в драгоценном женском теле и всю его жизнь сделаю прекрасной, а после

смерти поведу его к возрождению в Чистой земле”. Этим объясняется, что Синран и его последователи отказались от монашеского безбрачия. Примечательно, что жена Синрана, Эсинни, в письмах тоже говорит о муже как о воплощении Внимающего Звукам, так что супруги видят друг в друге одного и того же бодхисаттву; см. подробнее: [9, с. 119–130].

Еще одно значимое для Синрана воплощение Каннон — это царевич Сётоку, ведавший делами правления в начале VII века; по преданиям, он основал храм Роккакудо. Синран в стихотворных “Величаниях царевичу Сётоку” (“*Ко:тайси Сё:току-хо:дзан*”, 1255) говорит и о прежних воплощениях бодхисаттвы в Индии, Китае и Корее, а затем о земной жизни Каннон в образе японского милосердного царевича; см.: [там же, с. 483–501]. Похожие описания царевича как бодхисаттвы есть у Мудзю Итиэна в “Собрании песка и камней” (рассказы П–4, Vб–10, Xб–3); и Мудзю, и Синран опираются на более ранние жизнеописания Сётоку, но и тот, и другой ведут речь не столько о японском мудром правителе, сколько о Каннон в одном из воплощений. Для Мудзю при этом Сётоку — не только основоположник почитания будды Амиды в Японии, но и один из первых приверженцев *дзэн*. Правда, в этом случае за Сётоку остаётся “человеческая” роль, а роль бодхисаттвы принимает на себя Бодхидхарма, по легенде, принесший учение о “созерцании”, *дзэн*, из Индии в Китай, а затем явившийся в Японии в образе нищего, чтобы открыть это учение японцам через царевича Сётоку (рассказ Vб–10).

О радикальном амидаизме Мудзю пишет с осуждением. В рассказе I–10 божество *ками* говорит о себе как “превращенном теле” Каннон: если человек верит исключительно в будду Амиду и отказывается чтить “родных богов”, то он тем самым отвергает и Каннон как верного спутника Амиды, а значит, отказывается от спасительной “силы Другого” (Синран, правда, в свое время доказывал, что такое понимание исключительно амидаизма неверно, что всецело полагаться на Амиду не значит отрицать богов). Еще один парадокс амидаистской веры Мудзю раскрывает в рассказе Ха–I: подвижник рад был бы поскорее умереть, чтобы возродиться в Чистой земле, — но поскольку он много лет чтит Каннон, его земная жизнь оказалась долгой, и даже при обвале в горах, когда его хижину завалило, ученики нашли его невредимым.

Есть и противоположная точка зрения на то, как бодхисаттва совмещает задачи помощника и учителя. “Уловки” Каннон могут состоять в том, что человеку выпадают все более страшные испытания, так что в итоге он отвращается от мира и вступает на путь Будды. Подобные рассказы есть уже и в “Записях о чудесах Каннон в храме Хасэ” (см.: [12]) и в других текстах. В “Собрании песка и камней” Мудзю приводит пример из смутных времен середины XII века. “Кто держится за Тысячерукого, встречается с семью бедствиями” — говорит отрешившийся государь Го-

сиракава, готовясь принять смерть от рук мятежников; правда, в итоге ему удастся уцелеть (рассказ VI–15). Этот подход близок учению Нитирэна, согласно которому наибольшие несчастья в жизни ожидают того, кто исключительно предан “Лотосовой сутре”; см.: [9, с. 302–316]. Такая установка на мученичество в японском буддизме вообще редка, однако и она встречается в “старой” традиции почитания Каннон. При этом, хотя имя Каннон в сочинениях Нитирэна и встречается, но обычно в ряду других имен бодхисаттв. В нескольких письмах (в том числе в письме к Нии-ама и в “Ответе Такахаси”, оба 1275 год) он указывает, что Внимающий Звукам не получил от Будды повеления проповедовать “Лотосовую сутру”, и потому для приверженцев сутры важнее чтить других бодхисаттв, кому такое поручение было дано (прежде всего, “явившихся из-под земли” в главе V той же сутры). В “Трактате об открывании глаз” (“*Каймокусё:*”, 1272) Нитирэн пишет, что почитать Каннон отдельно от “Лотосовой сутры” неправильно, а в “Трактате о возвращении долга”. (“*Хо:он-сё:*”, 1276) говорит, что когда люди произносят слова величия “Лотосовой сутры” (“*Наму Мё:хо: рэнгэ-кё:*”), они тем самым призывают на помощь всех ее бодхисаттв, так что отдельные заклятия, в том числе обращенные к Каннон, уступают этому обряду, самому простому и действенному.

Каннон в сочинениях Догэна

Основные контексты упоминания бодхисаттвы Каннон у японских авторов можно свести к следующим:

1) Каннон в списке других будд и бодхисаттв (сами списки разные, но имя Внимающего Звукам в них присутствует неизменно);

2) Каннон как “собственный почитаемый” того подвижника, чей опыт обсуждается (обычно это не “Каннон вообще”, а Каннон такого-то храма);

3) Каннон как имя для той милосердной природы, которая есть у каждого живого существа (а потому кто угодно кому угодно может стать спасителем, намеренно или случайно применив именно ту “уловку”, которая нужна в этом конкретном случае, причём на обыденный взгляд “уловка” может выглядеть как поступок хороший или дурной, умный или глупый).

Что касается Догэна, то он “завязал связь” с бодхисаттвой Каннон уже хотя бы тем, что много лет, с 1233 по 1243 год, проповедовал в храме Каннон-дори-ин недалеко от столицы; см.: [1, с. 48–53]. Храм несколько раз менял названия, задачей Догэна было обустроить здесь все для занятий “созерцанием”, *дзэн*, по тому образцу, который он усвоил в пору учебы в Китае.

В нескольких сочинениях Догэн дает списки тех будд и бодхисаттв, чьи имена следует с почитением повторять в пору подготовки к “созерцанию”. В трактате “Летнее затворничество” (“*Анго*”, 1245) этот список таков: будда в телах Закона

и Отклика (Вайрочана), будда в Превращенном теле (Шакьямуни), бодхисаттва Майтрея, он же будущий будда, все будды трёх времён и десяти направлений¹, бодхисаттвы Манджушри, Самантабhadра, Великий Сострадательный (Авалокитешвара), все бодхисаттвы-махасаттвы, Великая Запредельная Премудрость (Маха-праджня-парамита). Этот перечень не отсылает к какому-то одному из текстов канона, а скорее, охватывает махаянское учение в целом. В роли защитника тех, кто осваивает *дзэн*, Каннон появляется у Догэна в трактатах “Благая сила плаща” (“*Кэсакудоку*”, 1240) и др. В трактатах “Маха-праджня-парамита” (“*Мака-ханья-харамитцу*”, 1244) и “Цветок Дхармы развертывается Цветком Дхармы” (“*Хоккэ тэн Хоккэ*”, 1241, посвящен “Лотосовой сутре”) Внимающий Звукам упоминается как персонаж соответствующих сутр. Как отмечает, например, Такахаши Масанобу, у Догэна милосердие бодхисаттвы, показанное в “Лотосовой сутре”, мыслится как неотделимое от его же опыта созерцания “пустоты” в “Сутре-сердце” [17, р. 35–38].

В нескольких трактатах Догэна слова, относимые ко Внимающему Звукам в “Лотосовой сутре” и в других сутрах, появляются в ряду выражений, которые описывают человека в состоянии “созерцания”, *дзэн*. Таковы “Вручение предсказаний” (“*Дзюки*”, 1244), “Изучение Пути телом и умом” (“*Синдзингакудо*”, 1242), “Одна яркая жемчужина” (“*Икка мё:дзю*”, 1243), “Шум потоков и краски гор” (“*Кэйсэй сансики*”, 1240), “Тридцать семь обстоятельств, содействующих просветлению” (“*Сандзю:ситихон бодай бумпо*”, 1244). Можно сказать, что здесь единство подвижника с бодхисаттвой мыслится как уже достигнутое. “Тысячу рук и тысячу глаз” Догэн упоминает несколько раз, когда показывает, как при сосредоточенном созерцании какого-то предмета этот предмет разрастается до вселенских размеров, так что его невозможно охватить человеческими руками и глазами; подобные места есть в трактатах “Цветы в пустоте” (“*Ку:э*”, 1243) и “Цветы сливы” (“*Байкэ*”, 1243).

Трактат под заглавием “Внимающий Звукам” (“*Каннон*”, 1241) — одно из тех сочинений, где Догэн разбирает отрывки из китайских текстов традиции *чань*. Здесь это разговор между учениками знаменитого учителя Яо-шаня Вэй-яня (745–828): Юнь-янем, он же Тань-шэн (742–841), и Дао-у, он же Юань-чжи (769–835). Юнь-янь старше по годам, но позже пришел к наставнику, и потому называет Дао-у “старшим братом”. Их разговор о Внимающем Звукам известен по нескольким сборникам чаньских бесед, но особенно — по “Записям у лазурной скалы” (кит. “*Биянь-лу*”, яп. “*Хэкиган-року*”, XI век, ТСД 48, № 2003, 213с, эпизод 89). Этот текст и в Китае, и в Японии был задействован как собрание коанов — примеров, над которыми следует “усердно работать”, сосредоточенно размышлять тем, кто учится “созерцанию”. Выбор Внимающего Звукам как темы для разговора в “Записях...” поддерживается еще и тем, что в этом тексте бодхисаттва Гуаньинь отождествляется с Бод-

¹ Прошлое, настоящее и будущее, во-семь сторон света, верх и низ.

хидхармой, основателем *чань* (в эпизодах 17 и 20). Не ясно, берет Догэн пример с Юнь-янем и Дао-у именно из “Записей...” или из другого текста², но в трактате он показывает, каким может быть размышление над коаном. Кроме трактата “*Каннон*” этот же пример у Догэна упомянут в трактате “Во сне рассказывать сон” (“*Мутю: сэцуму*”, 1241).

Юнь-янь спрашивает, как бодхисаттва “использует” (кит. *юн*) такое огромное количество глаз и рук, “применяет” их, “управляется” с ними. Кроме бытового значения слово *юн* отсылает также к философскому противопоставлению “сущности”, “облика” и “применения” (кит. *ти-сян-юн*). Дао-у отвечает сравнением: бодхисаттва действует так, как человек, когда тот в темноте шарит рукой позади себя в поисках подушки. Два товарища по учебе после этого говорят, как они понимают это сравнение, и тем самым выражают, к чему они пришли на пути “созерцания”. По словам Юнь-яня, у бодхисаттвы руки и глаза “целиком охватывают” все тело (яп. *хэн/аманэку*); под “телом” (яп. *син/ми*) здесь может иметься в виду всё существо милосердного бодхисаттвы, весь его опыт. По мнению Дао-у, руки и глаза “пронизывают” тело бодхисаттвы (яп. *цу:/тоору*). Оба выражения можно понять так, что бодхисаттва Каннон полностью сводится к “рукам и глазам”: коль скоро его сущность — милосердие, действовать для него означает замечать нужды других и помогать им. И все же Юнь-янь и Дао-у предлагают два разных слова. Догэн последовательно обсуждает каждую реплику в их диалоге и подчеркивает, что ни одно из двух выражений не правильнее другого.

Дао-у как старший оценивает слова Юнь-яня: “это только восемь или девять частей из десяти”. По Догэну, это наивысшая оценка, ее можно применить и к словам самого Дао-у: именно когда слова звучат как точные и емкие, но еще не достаточные, они побуждают слушателя продолжать работу, искать свой ответ на тот же вопрос. Примерно так же действует на зрителя и изображение тысячерукого тысячеглазого бодхисаттвы: побуждает искать, каким глазом Каннон смотрит именно на тебя, какой рукой подает то, о чем ты молишься. Примеры из рассказов *сэцува* во многом нацелены как раз на это: показать, как человек, уже выйдя из храма, сумел найти и применить что-то в окружающем мире, что пошло ему на пользу, а стало быть, было “уловкой” бодхисаттвы. Тем самым он выявляет в ком-то встречном, а часто и в себе самом, милосердную природу, то есть одновременно достигает и земной цели, и цели буддийского подвижничества.

Перевод трактата “Внимающий Звук” сделан по изданию: ТСД 82, № 2582, 150b–152c. При работе над примечаниями использованы издания [14–15], а также словарь [16].

Из откликов современных авторов на это сочинение Догэна хотелось бы назвать публикации [18] и [13].

ТСД — Тайсё: синсю: дайдзо:кё: (Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё) Т. 1–100, Токио, 1960–1977 (Taishō Shinshū Daizōkyō).

² “Записи бесед наставника созерцания Юань-у Фо-го” (кит. “Юань-у Фо-го чаньши юйлу”, ТСД 47, № 1997, 799 b); “Полные записи наставника созерцания Хун-чжи” (кит. “Хун-чжи чаньши гуанлу”, ТСД 48, № 2001, 23b).

Литература

1. *Бабкова М.В.* Наставник созерцания Догэн: жизнь и сочинения: Вместилище сути истинного Закона / Новые исследования по японской культуре. Кн. 3. М.: Круть, 2016.
2. Избранные сутры китайского буддизма. Пер. с китайского Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб.: Наука, 1999.
3. *Кикнадзе Д.Г.* Традиция почитания скульптур бодхисаттвы Каннон в протонародном японском буддизме XII в. // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 3 (24). С. 130–132.
4. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Изд. подгот. А.Н. Игнатович. М.: Ладомир, 1998.
5. *Мещеряков А.Н.* Книга японских символов. М.: Наталис, 2003.
6. Нихонрёйки. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й. Пер. со старояп., предисл. и комм. А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995.
7. *Поповцев Д.В.* Бодхисаттва Авалокитешвара. История формирования и развития махаянского культа. СПб.: Евразия, 2011.
8. “Собрание песка и камней” (“Сясэкисю”, конец XIII в.). Т.1. Пер. со старояпонского Н.Н. Трубниковой. Т.2. *Трубникова Н.Н.* “Собрание песка и камней” в истории японской философской мысли. Исследование. Указатели. Приложение. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
9. *Трубникова Н.Н., Бабкова М.В.* Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
10. Трубникова Н.Н. “Различение учений” в японском буддизме IX в. Кукай [кобо-дайси] о различиях между тайным и явным учениями. М.: РОССПЭН, 2000.
11. *Трубникова Н.Н., Бурыкина А.П.* Бодхисаттва Каннон со спутниками из храма Киёмидзу / Культура и форма. К 60-летию А.Л. Доброхотова: сборник научных трудов. Под ред. И.А. Болдырева. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2010. С. 313–341.
12. *Dykstra Yoshiko K.* “Tales of the Compassionate Kannon. The Hasedera Kannon Genki” // Monumenta Nipponica. 1976. Vol. 31. No. 2 (Summer). P. 113–143.
13. *Haselwood J.D.* Dogen’s Essay on Kannon, 2012. URL: <https://archive.org/details/DogensEssayOnKannon-Part1>
14. *Nearman H.* On Kannon, the Bodhisattva of Compassion (Kannon) / Shobogenzo. The Treasure House of the Eye of the True Teaching by *Eihei-Dogen*. Transl. by Reverend Master Hubert Nearman, Order of Buddhist Contemplatives. Mount Shasta, California: Shasta Abbey Press, 2007. P. 458–466. URL: <http://shastaabbey.org/pdf/shoboAll.pdf>
15. *Nishijima G., Cross C.* Kannon. Avalokitesvara / Gudo Wafu Nishijima and Chodo Cross. Shōbōgenzō. The True Dharma-Eye Treasury. Vol. II. Berkeley: Numata Center for Buddhist Translation and Research, 2009. P. 261–272. URL: <http://docslide.us/documents/dogen-shobogenzo-the-true-dharma-eye-treasury-vol-2.html>
16. *Muller C.A., ed.* (1995–). Digital Dictionary of Buddhism. URL: <http://www.buddhism-dict.net/ddb/>.
17. *Takahashi M.* The Essence of Dogen. Kegan Paul, London, 1983.
18. *Wrisley G.* “You cannot petition Kannon with Prayer!”— Calling upon Bodhisattva Avalokiteshvara through Embodied Compassion’, 2015. Working on Living—through philosophy and poetry and music and love and family and friends and... URL: <http://www.georgewrisley.com/blog/?p=371>

Н. Трубникова
Догэн
и почитание
бодхисаттвы
Каннон в Японии
XIII века